

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хоу Лянпин — начальник следственного отдела Главного управления по противодействию коррупции Верховной прокуратуры, закончил факультет политологии и права Университета провинции N.

Чжун Сяоай — жена Хоу Лянпина, член дисциплинарной комиссии ЦК.

Гао Юйлян — в прошлом преподаватель права в университете провинции N, ныне — ответственный за политико-правовую работу в провинции N, замсекретаря парткома провинции N, член Постоянного комитета парткома провинции N.

У Хуэйфэн — жена Гао Юйляна, преподаватель истории университета провинции N.

Ци Тунвэй — глава Департамента общественной безопасности провинции N, ученик Гао Юйляна.

Ша Жуйцзинь — недавно назначенный секретарь парткома провинции N.

Тянь Гофу — секретарь дисциплинарной комиссии провинции N.

Чжао Личунь — в прошлом секретарь парткома провинции N, ушедший на повышение в Пекин.

Чжао Жуйлун — сын Чжао Личуня, крупный бизнесмен.

Цзи Чанмин — главный прокурор провинции N.

Чэнь Хай — глава Департамента по противодействию коррупции прокуратуры провинции N, ученик Гао Юйляна.

Ли Дакан — секретарь горкома партии Цзинчжоу, столицы провинции N, член Постоянного комитета парткома провинции N.

Оуян Цзин — жена Ли Дакана, замдиректора Городского банка Цзинчжоу.

Чэнь Яньши — в прошлом зампрокурора провинции N, ныне пенсионер.

Цай Чэнгун — директор фабрики «Дафэн».

Гао Сяоцинь — генеральный директор корпорации «Шаньшуй».

Лю Цинчжу — главный бухгалтер корпорации «Шаньшуй».

Чжэн Чуньлай — председатель профсоюза фабрики «Дафэн».

Чжэн Шэнли — сын Чжэн Чуньлая.

Тихая провинция

Глава 1. Шкаф с деньгами

Услышав, что вылет задерживается на неопределенное время, Хоу Лянпин едва не подпрыгнул от раздражения. Его изначальный план немедленно отправиться последним рейсом в провинцию N, чтобы координировать управление операцией по задержанию вице-мэра Цзинчжоу Дин Ичжэня, теперь повисал в воздухе. Снова и снова женский голос из репродуктора приносил извинения на китайском и английском: над аэропортом зона грозового фронта, для безопасности пассажиров вылеты задерживаются. Лоб Хоу Лянпина покрылся испариной: оказавшись запертым в аэропорту, он особенно остро ощутил значимость дела.

На большом экране в этот момент демонстрировалась метеорологическая карта, где сгущались, вихрились и заворачивались плотные белые облака весьма угрожающего вида. Субтитры просвещали дилетантов, объясняя, почему гроза во время полетов опасна и как попадание в зону турбулентности может привести к авиакатастрофе. Но всё это совершенно не успокаивало людей: зал ожидания аэропорта превратился в гудящий растревоженный улей. Пассажиры, разрозненными кучками окружив работников аэропорта у стоек регистрации, кричали и галдели, каждый пытался выяснить возможное время вылета для своего рейса, узнать, каковы варианты компенсаций... Хоу Лянпину не было нужды протискиваться вперед, чтобы

уяснить главное: если небо затягивается этим самым грозным фронтом, то нечего и думать о вылете.

Хоу Лянпин быстрыми шагами вышел из зала ожидания в поисках места потише, один за другим набирая номера мобильных телефонов. Телефон главного прокурора провинции N Цзи Чанмина выключен. Телефон начальника Департамента по противодействию коррупции прокуратуры провинции Чэнь Хая — тоже не отвечает. Вся неотложность и срочность покатались к чертовой матери. Конечно, Хоу Лянпин понимал, что никуда начальники не исчезли, а просто сидят на срочном совещании, докладывая заместителю секретаря парткома Гао Юйляну, ответственному за политико-правовую работу в провинции, по делу Дин Ичжэня. По правилам участники совещания должны выключать телефоны. Но Хоу Лянпину казалось, что они сделали это специально, чтобы поиграть с ним в прятки.

Будучи начальником следственного отдела Главного управления по противодействию коррупции Верховной прокуратуры, Хоу Лянпин постоянно повторял и подчеркивал в общении с коллегами из провинции N: первым делом — оперативная работа, а совещания — потом! В нынешней ситуации этот вице-мэр по фамилии Дин слишком важен, он — одно из ключевых звеньев в только что раскрытом деле о взятке Чжао Дэханя. Если информация утечет и это позволит ему сбежать, то очень многие чиновничьи тайны провинции канут, как камень в пучине.

Хоу Лянпин был весьма недоволен своим однокашником по университету Чэнь Хаем. Он же специально распорядился, чтобы Чэнь Хай не докладывал наверх. Сначала нужно взять Дин Ичжэня под контроль, и лишь потом можно будет о чем-то говорить... Но Чэнь Хай струсил — получив информацию от Хоу Лянпина и промямлив несколько слов в ответ, всё-таки доложил. После задержания Чжао Дэханя Хоу Лянпин, боясь упустить время, первым делом ночным рейсом помчался в провинцию N, но, как назло, неожиданно застрял в грозном фронте.

Хоу Лянпин стоял, задумавшись, перед окном аэровокзала. В какой-то момент он вдруг обратил внимание, что снаружи нет ни дождя, ни ветра. Установился полный штиль. Даже сновавшие туда-сюда шумные автобусы с пассажирами как будто вымерли. Где же гроза? Куда делся грозовой фронт? Выскочив наружу из зала ожидания, он с надеждой уставился ввысь. Ну, положим, свинцовые тучи и правда затянули небо, не видно ни звезд, ни луны, но и всполохов не видно, и раскатов грома не слышно! Неужели самолеты действительно не могут взлететь, нет ли здесь ошибки? Рядом как раз проходил сотрудник аэропорта, которому Хоу Лянпин преградил дорогу и высказал свои сомнения. Почтенного возраста товарищ глубокомысленно взглянул на него и весьма философски заметил, что не следует смотреть на вещи поверхностно: разве видны ему верхние слои облаков? Сплошь и рядом за внешним покоем в глубине бушует гроза. Хоу Лянпин оцепенело смотрел на удаляющийся силуэт; он как будто услышал некий намек, который заставил его задуматься.

Хоу Лянпин окончил факультет политологии и права университета провинции N. Ныне его бывшие преподаватели и конкурники работали по разным уголкам чиновничьей системы провинции, что доставляло ему иногда неудобства, особенно если возникала необходимость срочно получить информацию. Антикоррупционный шторм повсеместно усиливался с каждым днем, и лишь в провинции N царила нетипичная тишина. То поднимавшиеся, то стихавшие за эти годы слухи так и оставались слухами. Конечно, он понимал, что это фикция: невооруженным глазом не рассмотреть, что наверху за облаками — точно так же, как и по эту сторону облаков, — есть вещи, скрытые во мраке. Да еще Дин Ичжэнь неожиданно «всплыл», но вскоре и по нему невозможно будет получить твердые улики — за исключением того, что связано со сверхважным делом Чжао Дэханя. Начальник следственного отдела прекрасно понимал

важность момента: последний рывок мог сыграть решающую роль в победе или поражении. Хоу Лянпин серьезно тревожился, но волноваться и переживать теперь было бесполезно: небо наверху перекрыл грозовой фронт.

Он снова прошел через металлическую рамку и вернулся в зал ожидания. Здесь по-прежнему стоял гомон. Он заставил себя успокоиться, выпил несколько глотков воды из кулера, нашел свободное сиденье и присел, закрыв глаза и собираясь отдохнуть. Фигура уже попавшего в сети Чжао Дэханя сразу же встала перед его взором, и он не смог удержаться от того, чтобы не погрузиться в воспоминания.

Вчера вечером Хоу Лянпин, как сама судьба, вошел, скрипнув старой дверью, в квартиру чиновника, на которого поступил донос о взятках на миллионы юаней. Тот как раз собирался поужинать — на столе стояла большая миска с лапшой чжацзянмянь.

На первый взгляд, этот человек с простодушным лицом не походил на важного ведомственного чиновника, как раз наоборот — он смахивал на только что вернувшегося с поля крестьянина. Но «крестьянин» этот обладал недюжинными выдержкой и самообладанием. Хоу Лянпин сразу же понял, что это внешнее спокойствие — следствие большого опыта человека, имевшего реальную власть. Конечно, вполне вероятно, что Чжао Дэхань давно уже просчитал возможность подобной ситуации и успел внутренне к ней подготовиться. Но одного Хоу Лянпин не мог ожидать — того, что чиновник, руководящий правительственной комиссией по управлению проектами, вообще мог жить в таком месте.

Это был квартира метров семьдесят в типовом ведомственном доме, до невозможности старом. Мебель, похоже, еще та, которой Чжао Дэхань обзавелся сразу после женитьбы, — жутко убогая, углы дивана обкрошены. На входе валялось несколько пар тапок, таких драных, что если выкинуть на улицу, то

вряд ли кто подберет. В смывном бачке унитаза через каждые две-три секунды звонко капала вода. На кухне из крана тоже подтекало, но здесь, похоже, не утечка, а маленькое хищение: в тазике для умывания под краном набралось немного чистой воды, за которую не нужно платить.

Хоу Лянпин осмотрелся вокруг и недоверчиво усмехнулся: этот руководитель комиссии по управлению проектами действительно жил ничуть не лучше простых людей.

Как будто читая эти мысли, дожевывавший последнюю на свободе порцию чжацзянмяня Чжао Дэхань поинтересовался:

— И зачем же из Главного управления по противодействию коррупции пришли сюда ко мне? Эй, да где вы видели коррупционеров, живущих в таком месте? Семь этажей, даже лифта нет, если бы все взяточники так жили, народ бы праздновал и взрывал петарды! — Его голос звучал глухо, будто застревал в глотке вместе с лапшой.

Да-да, почтенный Чжао, с виду вы человек простой, миска чжацзянмяня как раз подходит вам на ужин.

Чжао Дэхань ел со вкусом: крестьянский ведь сын, хороший едок.

Хоу Лянпин прямо-таки языком прищелкнул:

— Да, почтенный Чжао, вы действительно глава управления! А Чжао Дэхань усмехнулся:

— Что такое у нас глава управления? Разве что звучит солидно!

Хоу Лянпин согласился:

— Как сказать! Всё зависит еще и от того, что именно за управление. Ваши полномочия, почтенный Чжао, слишком велики! Многие давно уже говорят, что не у всякого министра есть подобные, не так ли?

— Как ни велики полномочия — разве всё это делается не для служения народу? — строго сказал Чжао Дэхань. — Если полномочия велики, то, значит, непременно коррупционер? Мою обстановку здесь вы видите, советую не тратить время попусту.

Обыск ничего не дал. Факты, увы, свидетельствовали, что время действительно тратится впустую. Хоу Лянпин, повернувшись лицом к Чжао Дэханю, с извиняющимся видом улыбнулся:

— Похоже, ошиблись... Обрели мы-таки образец честного и неподкупного аппаратчика...

Чжао Дэхань, протягивая мощную руку, попрощался не без чувства юмора:

— До свидания, начальник Хоу.

Хоу Лянпин, крепко сжал руку Чжао Дэханя и не менее остроумно произнес:

— Ах, начальник Чжао, я ведь только пришел, как же мне сразу с вами распрощаться! Пойдемте-ка в соседнее помещение!

Сказав это, он точным движением выудил из плетеной корзины с разными мелочами, стоящей на столе Чжао Дэханя, белую пластиковую карточку — магнитный ключ — и засунул его в карман куртки Чжао Дэханя.

Чжао Дэхань пришел в суетливое замешательство, вытаскивая пластиковый ключ от двери:

— Это... Это... Что это?

— Ключ от ваших апартаментов в Дицзинъюане! Извольте проследовать с нами во исполнение официального поручения.

Уверенность мгновенно исчезла с лица Чжао Дэханя, он обмяк и бессильно осел на пол...

Хоу Лянпин открыл глаза. По всему залу ожидания прокатилось волнение, люди начали протискиваться к стойкам регистрации. У каждой стойки образовалась длинная очередь, и Хоу Лянпин, решив, что самолет должен вскоре взлететь, тоже стал поспешно пробираться к своей. В итоге выяснилось, что вся суета — от того, что служащие аэропорта стали раздавать пассажирам задержанных рейсов коробки с едой. У Хоу Лянпина не было ни малейшего аппетита, и он сердито вернулся на прежнее место.

Зазвонил мобильник. Хоу Лянпин взглянул на экран, и глаза его засветились — звонил Чэнь Хай!

— Закончил дела? Начинаем действовать? Нет? Что? Мнение руководства разделилось, доклад ушел к новому секретарю парткома? — Хоу Лянпин едва не кричал: — Чэнь Хай, начальник департамента Чэнь, я же сказал тебе, как только Чжао Дэхань попадет в сети — тут же прорвет, сотни взяточдателей сделают признание! Если Дин Ичжэнь как посредник получил больше десяти миллионов юаней, то можно представить, сколько тогда брал он сам!

Чэнь Хай ответил:

— Я ничего не могу поделать, кто я такой? К тому же ваше Главное управление по противодействию коррупции не передало нашей прокуратуре информацию по процедуре задержания Дин Ичжэня!

Хоу Лянпин аж ногой топнул от злости:

— Процедура уже запущена, всё у меня в портфеле!

— Ну так прилетай же скорее, ты разве не в аэропорту? Хоуцзы¹, мы же должны всё делать по закону!

Хоу Лянпин ощутил приступ головокружения.

— Знаешь о грозовом фронте? Тебя накрыло колпаком, а ты не видишь и не слышишь грозы! Ладно, ладно, не будем об этом. Эй, а где сейчас Дин Ичжэнь? Чем занимается? Кому я поручал смотреть, а?

Чэнь Хай начал читать вслух доклад:

— Дин Ичжэнь провел координационное совещание по проекту «Гуанминху» в провинциальной резиденции Цзинчжоу. Сегодня вечером — банкет, на котором Дин Ичжэнь быстро напился. Я послал на место действия самую толковую сотрудницу — начальницу первого следственного отдела нашего департамента

¹ Хоуцзы — по-китайски обезьяна. Здесь аллюзия с победившим демонов царем обезьян Сунь Укуном из «Путешествия на запад». — *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. пер.*

Лу Икэ. Как только будет решение парткома провинции, после первого же звонка можно брать Дин Ичжэня... Так... Извини, извини, Хоуцзы, секретарь Гао запросил указаний у нового секретаря парткома, мы снова будем совещаться! — сдавленным голосом произнес последнюю фразу Чэнь Хай, поспешно выключая телефон.

— Совещания, совещания, лучше б голову включил! — выругался Хоу Лянпин, тем не менее немного успокоившись. Старый однокашник Чэнь Хай, честный человек, с богатым опытом работы, в деле твердый и преданный, уже несколько лет был начальником Департамента по противодействию коррупции прокуратуры провинции.

Сидевшая по соседству с Хоу Лянпином женщина посетовала:

— Ах, когда же можно будет вылететь, не представляю...

Хоу Лянпин, совершенно не желая с кем-то еще разговаривать, откинулся в кресле и сомкнул веки.

Едва он закрыл глаза, как Чжао Дэхань вновь живо предстал перед его мысленным взором. Этот, можно сказать, уникальный взяточник не позволял Хоу Лянпину себя забыть. Результаты обыска в апартаментах Дицзинъюаня настолько потрясали, что это вышло далеко за рамки и предыдущего опыта, и воображения Хоу Лянпина...

Двое полицейских препроводили подавленного Чжао Дэханя в его апартаменты в Дицзинъюане. Здесь царил пустота: не оказалось ни кресел, ни диванов, ни столов, ни стульев, ни мебели в спальне и на кухне. Плотные портьеры полностью закрывали окна, а пол покрывал слой пыли. Здесь явно никогда не жили. Чжао Дэхань предпочитал обретаться в своей старой ветхой каморке, а тут не бывал вовсе. Тогда зачем эти апартаменты? Хоу Лянпин бросил взгляд на стоявший у стены огромный железный шкаф. Чжао Дэхань передал связку ключей, и сотрудники одну за другой открыли дверцы. И тут наступила кульминация.

Пачки разномастных старых и новых банкнот, штабелированные плотными слоями, туго забили пространство шкафа, формируя сплошную стену из денег. Подобную сцену можно увидеть только в хранилище банка или, на худой конец, в зыбких мечтах героя из третьесортного сериала. Такое количество собранных в одном месте наличных произвело на зрителей ошеломляющее впечатление. Это было подобно внезапно налетевшему урагану, силе которого совершенно невозможно сопротивляться. Все сотрудники, включая Хоу Лянпина, остолбенели.

— Черт возьми, Чжао Дэхань, я конечно знал, что ты брал на лапу, но не мог представить, что брал столько. Скажи мне, как ты — начальник небольшого управления — мог получить столько денег? Ты настолько ловок? — почти откровенно и без намека на насмешку спросил Хоу Лянпин, сидя на корточках перед Чжао Дэханем.

Тот лишь заплакал в ответ — не столько потому, что боялся, а скорее от обиды:

— Начальник Хоу, я же ни фэня не истратил, не посмел истратить, потому что боялся проколоться, а еще... Потому что часто приходил сюда посмотреть...

Хоу Лянпина пронзило любопытство:

— Часто приходил посмотреть? Что, банкноты красивые?

— Красивые, очень красивые! — Чжао Дэхань бросил мечтательный взгляд на стальной шкаф. — В детстве в деревне я больше всего любил смотреть на поспевшую пшеницу: так вот присядешь на краю поля, глядь — уже и полдень. Я люблю есть чжацзянмянь, а еще больше люблю смотреть на растущую пшеницу. Как она дает ростки, как кустится, как наливается золотом спелый колос... Так посмотришь, посмотришь — и уже сыт, есть не хочется.

В Чжао Дэхане говорил крестьянский сын, крестьянин в нескольких поколениях, в котором страсть к деньгам порождена бедностью! Он смотрел на банкноты, словно на пшеницу,

ощущая покой в сердце и внутреннее удовлетворение. И когда смотрел долго, над купюрами для него будто появлялись колоды в золотом свечении.

Вот ведь самородок! Сумел возвысить свою жадность до уровня волшебных грез.

Хоу Лянпин помнил, что у Чжао Дэханя есть престарелая мать лет восьмидесяти с лишним, живущая в деревне одна. Он между делом спросил у Чжао Дэханя, переводил ли тот ей деньги. Чжао Дэхань ответил, что переводил, каждый месяц три сотни. Из-за этих трех сотен частенько ругался с женой. Он разбогател тайно, жена ничего не знала. Он очень хотел забрать мать в город, но не решился раскрыть тайну апартаментов в Дицзинъюане, ведь там же его сейф! Собственная квартира, в которой он жил, слишком мала, и поселить там мать оказалось невозможно. К счастью, матери не понравилось в городе, она поглядела-поглядела, да и уехала.

— Каждый месяц посылаю ей триста юаней, ну, ей, в общем, хватает, — словно оправдываясь, сказал Чжао Дэхань.

Хоу Лянпин взорвался:

— Ты при таких деньжищах каждый месяц отсылал своей старой матери три сотни на жизнь?! Имея в распоряжении такие огромные апартаменты, не дал своей матери в них поселиться! Твоя старая мать тащила тебя по жизни, вырастила тебя, и ты вот так отплатил ей? Ты ведь до мозга костей крестьянский сын! Что же за несчастная судьба такая у наших крестьян, если у них вырастают такие бессердечные и бессовестные сыновья?

Чжао Дэхань снова залился слезами, лицо его искажилось от глубокого стыда. Он всё повторял, что совершил ошибку, что ошибка эта безмерно велика, просил прощения у партии, у народа, у организации, которая выпестовала его и ожидания которой он обманул...

— Хватит! Это организация тебя научила деньги загребать? А ну, говори, как нахапал столько денег?

Чжао Дэхань поднял голову и сказал, что правда не помнит как. С того момента, как впервые начал, так и не прекращал! Он сидел на этом месте четыре года; были деньги — брал. Это как подбирать пшеничные колосья. Всё время чувствовал себя, будто во сне, смутно и неясно, и только перед глазами ослепительно сияла золотистая пшеница...

Хоу Лянпин спросил, показывая на железный шкаф:

— Ты хотя бы примерно считал? Сколько там денег, а?

— Это я запомнил: всего двести тридцать девять миллионов пятьсот пятьдесят четыре тысячи шестьсот юаней! — ответил Чжао Дэхань.

Хоу Лянпин похлопал его по плечу:

— Смог запомнить до сотни, да у тебя отличная память.

— Хорошая память всё равно хуже кончика кисти для туши, — произнес Чжао Дэхань. — Начальник Хоу, я скажу вам, мне нравилось вести бухгалтерию: кто мне давал деньги, когда и где давали — всё записано очень точно.

Глаза Хоу Лянпина заблестели, он тут же начал выспрашивать:

— А бухгалтерская книга? Где она спрятана?

Чжао Дэхань, поколебавшись, указал пальцем на потолок:

— В хозяйской спальне, на подвесном потолке. Приходно-расходная книга там.

Сяо Хань, помощник Хоу Лянпина, быстро вышел и вскоре принес пластиковый пакет со сложенными в него бухгалтерскими книгами.

Просматривая книги, Хоу Лянпин невольно поразился:

— Бог мой! Так ты изучал бухгалтерию?

Чжао Дэхань, всхлипывая, произнес:

— Нет... Нет, я изучал горнорудное дело, а бухгалтерию освоил сам!

— Так профессионально, самоучкой освоить на таком уровне, почтенный Чжао! Искренне говорю, спасибо вам за это!

Чжао Дэхань жалобно спросил:

— Начальник Хоу, так.... Так я могу надеяться, что моя искренность мне зачтется?

— Это суд решит. Почтенный Чжао, но как вы пошли на такое? Как же вы взяточником-то стали?

Чжао Дэхань заволновался:

— Я хочу сообщить! Сообщить о том, что мэр города Цзинчжоу шесть раз приводил ко мне людей с взятками, общая сумма которых составила пятнадцать миллионов триста двадцать шесть тысяч юаней! Если бы он не передал мне банковскую карту на сумму пятьсот тысяч, со мной не приключилось бы сегодняшнее! Начальник Хоу, найдите мне бумагу и ручку, дайте мне написать подробно! Пусть будут бдительны, пусть другие товарищи в будущем ни в коем не совершают таких ошибок, нет, не ошибок — преступлений!

— На это у вас хватит времени в тюрьме, — Хоу Лянпин закрыл бухгалтерские книги. Затем он достал ордер на задержание и передал Сяо Ханю:

— Хорошо, берите-ка этого славного любителя сбора колосьев!

Сяо Хань и Сяо Лю, второй помощник Хоу Лянпина, вывели вперед Чжао Дэханя и, дав расписаться, недели на него наручники. Чжао Дэхань опустил на пол с белым, как у покойника, лицом.

Распоряжавшийся ревизией железного шкафа Хоу Лянпин быстро нагромоздил в гостиной гору из денег. Расхаживая вокруг нее, он вытянул из кармана мобильник и связался с дежурным прокуратуры, договорившись о смене дежурства, а также о том, чтобы связались с банком и привезли несколько счетчиков банкнот. Всё было выполнено в срочном порядке; банк прислал двенадцать машинок для счета банкнот, из которых шесть в итоге перегрелись и вышли из строя!

Сменная дежурная бригада приехала быстро. Хоу Лянпин приказал Сяо Ханю с коллегами сопроводить Чжао Дэханя.

Сяо Хань помог дрожащему и трепещущему Чжао Дэханю подняться с пола и встать на ноги, и они направились к выходу. Внезапно Чжао Дэхань обернулся и жалобно сказал Хоу Лянпину:

— Хоу... Начальник Хоу, я... Могу ли я еще разок пройтись по этому дому? Ведь я уже больше сюда не вернусь!

Хоу Лянпин изумился, с горькой усмешкой покачав головой:

— Ну ладно, загляните в последний раз!

Чжао Дэхань в наручниках прошелся по апартаментам. Было видно, как тяжело ему их покидать. Он будто хотел, чтобы каждая мелочь врезалась в память. В конце концов Чжао Дэхань потерял самообладание: внезапно бросился на гору денег посреди гостиной или, как ему, возможно, казалось, на золотые колосья, и горько зарыдал в голос. Скованными руками он гладил пачки старых и новых купюр; его конечности и тело жутко сотрясались. Жизнь завершилась поражением в тот самый момент, когда в руках, казалось, было всё. Но ценой этого «все-го» стали нравственность, совесть, достоинство, а в итоге он остался у разбитого корыта. Это ли не сокрушительный финал?

Надрывные рыдания Чжао Дэханя, от которых волосы вставали дыбом, гулко разносились эхом по апартаментам...

Перед рассветом, в четыре утра, радио наконец-то принесло хорошие вести: грозовой фронт над Пекином переместился, самолеты могут вылетать. Увлекаемый людским потоком к выходу на посадку, Хоу Лянпин наконец-то смог облегченно вздохнуть.

То, что должно было уйти, ушло, а то, что должно прийти, как ни крути, явно приближалось. Пекинский грозовой фронт будто рассеялся, вот только не переместилась бы гроза в провинцию N... Хоу Лянпина не покидало предчувствие, что надвигается антикоррупционный шторм, который, вполне возможно, заденет и его бывших учителей, и однокашников. Слухи, появившиеся с началом дела Дин Ичжэня, время от времени

затихали, но потом разносились вновь и, похоже, вряд ли могли остаться только слухами...

Глава 2. Долгое совещание

Дин Ичжэнь — ключ ко всему большому делу, а его задержание — решающий момент. Чэнь Хай это понимал, но главный прокурор Цзи Чанмин, похоже, не понимал вовсе. Или же как раз потому, что дело было столь важным, прикидывался, будто не понимает. Чэнь Хай едва не умолял начальство: нельзя пренебрегать ордером на арест, выданным Хоу Лянпином от имени Главного управления по противодействию коррупции. Если что случится — ответственность ляжет на соответствующий департамент провинции! Цзи Чанмин же стоял на том, что сначала надо доложить заместителю секретаря парткомитета провинции Гао Юйлян. Иными словами, находясь под комитетом партии провинции, прокуратура провинции не считала возможным арестовать чиновника уровня префектуры или департамента, перепрыгнув через голову вышестоящего начальства и не испросив указаний. К тому же каких-либо мероприятий, связанных с арестом, со стороны Верховной прокуратуры пока тоже не наблюдалось, так стоит ли торопливо действовать лишь по звонку с мобильного этой «обезьяны»?

Цзи Чанмин знал Хоу Лянпина, как облупленного, поэтому слово «Хоуцзы» не сходило с уст, и Чэнь Хай ничего не мог с этим поделать. Ему оставалось только приказать начальнице первого следственного отдела Лу Икэ самой возглавить группу, которая в режиме повышенной секретности взяла под наблюдение Дин Ичжэня.

Гао Юйлян был весьма озабочен докладом прокуратуры и в ту же ночь вызвал имевших к нему отношение чиновников в свой офис на совещание. Цзи Чанмин и Чэнь Хай, прибыв во второй

большой корпус парткома провинции, увидели, что здание внутри ярко освещено и работники снуют туда-сюда, словно в рабочее время днем. В офисе они встретили, помимо Гао Юйляна, еще двоих «тяжеловесов»: Ли Дакана, члена Постоянного комитета парткома провинции и секретаря горкома партии города Цзинчжоу, а также Ци Тунвэя, главу Департамента общественной безопасности провинции. Ци Чанмин заинтересованно взглянул на Чэнь Хая, как будто говоря: «Да неужели в такой щекотливой ситуации, как эта, мы могли бы не доложить?!»

Чэнь Хай, выйдя вперед, низким голосом поздоровался с Гао Юйляном:

— Здравствуйте, учитель!

Гао Юйлян, ухоженный, цветущего вида, постоянно улыбающийся мужчина шестидесяти лет, выглядел как опытный правительственный чиновник, овладевший мастерством тайцзицюань². Но, помимо всего прочего, он был еще и ученым-юристом, некогда деканом факультета политологии и права в университете провинции Н. Чэнь Хай, Ци Тунвэй и Хоу Лянпин были его любимыми учениками.

Главный прокурор сжато и кратко доложил. Гао Юйлян и Ли Дакан слушали Ци Чанмина со строгими, серьезными лицами. Напряженная, даже гнетущая атмосфера настраивала на серьезный лад. Чэнь Хай почему-то подумал, что у каждого руководителя свой скелет в шкафу, но внешне всё строго соответствовало этикету и царила свойственная подобным совещаниям «особая выразительность».

Чэнь Хай в политике старался действовать крайне осторожно, так как усвоил на всю жизнь наставления своего отца — опытного революционера Чэнь Яньши по прозвищу Старый Камень. Тот в свое время работал заместителем прокурора в Народной

² Тайцзицюань — китайское боевое искусство, разновидность ушу, которое используется в качестве оздоровительной гимнастики. — *Примеч. ред.*

прокуратуре провинции и большую часть жизни провоевал с бывшим первым секретарем парткома провинции Чжао Личунем. В итоге, уйдя на пенсию чиновником префектуры, он не мог пользоваться положенными ему льготами. А вот Чжао Личунь перевелся в Пекин и вошел в линейку партийных и государственных руководителей. Отец дома частенько рассуждал на высокие темы, и Чэнь Хай досконально разбирался в тонкостях политической жизни провинции. Он не желал повторять ошибки отца, но и не хотел лицемерить в делах, поэтому сохранял четкую дистанцию со всеми и даже от учителя Гао Юйляна держался на приличном расстоянии. Чэнь Хай отчетливо понимал, что лишь при ясности и чистоте в сердце можно избежать серьезных ошибок.

Если должен слететь облеченный большой властью чиновник — вице-мэр Цзинчжоу, столицы провинции, то скольких людей это коснется? И насколько сильны будут потрясения в чиновничьей среде провинции и Цзинчжоу? Одному небу известно! Цзи Чанмин, конечно, всё понимает. Он давно уже местный, работает в Цзинчжоу столько лет и просто не может не понимать. Дело весьма щекотливое. Завершая доклад, Цзи Чанмин резюмировал:

— В Пекине есть веские основания подозревать вице-мэра Цзинчжоу в получении и даче взятки; сумма огромна. Чтобы понять, как нам быть, необходимо запросить указания руководства.

Гао Юйлян нахмурил брови:

— О деле Дин Ичжэня мы ничего не знаем, почему Пекин узнал раньше нас?

Ли Дакан с еще более мрачным видом заметил:

— Именно так, товарищ Цзи Чанмин, что это за дела?

Цзи Чанмину пришлось дополнительно доложить, что один инвестор из Фуцзяни передал взятку начальнику управления некоего ведомства для получения разрешения на шахтную

разработку, но в итоге разрешения не получил. Чиновник деньги не вернул, и тогда инвестор донес на него в Главное управление по противодействию коррупции Верховной прокуратуры. Как только начальник того управления попался, он дал показания, изобличающие Дин Ичжэня.

Гао Юйлян озабоченно спросил Ли Дакана:

— За что там у вас отвечает этот Дин Ичжэнь?

Ли Дакан с горечью в голосе ответил:

— За все важные вопросы! Городское строительство, реконструкция старого города, интеграция ресурсов угольных шахт... Некоторые направления работы, формально числящиеся за мной, реально в руках Дин Ичжэня.

Чэнь Хай понимал Ли Дакана — тому, безусловно, нелегко выдавать Дин Ичжэня. Ли Дакан прослыл зачинателем реформ в провинции N: смелость — велика, характер — жесткий. В тот год выдвинули звонкий лозунг «Закон не ограничивает свободу!» Любые дела можно делать, любых людей можно смело использовать. Чэнь Хай знал, что Дин Ичжэнь — креатура Ли Дакана, один из его лучших работников; сейчас он находится в должности главного управляющего проекта реконструкции территории вокруг озера Гуанминху, управляет активами в несколько десятков миллиардов. Если пекинские его заберут, как переживет такое этот секретарь горкома?

Ци Тунвэй осторожно предложил:

— Раз дело обстоит так, секретарь Гао, секретарь Ли, подумайте: может, сначала провести Дин Ичжэня через дисциплинарную комиссию провинции? Я направлю людей, чтобы содействовать исполнению судебного решения.

Разобраться с Дин Ичжэнем на дисциплинарной комиссии было компромиссным решением — оно позволяло сохранить лицо Ли Дакану и оставляло пространство для маневра в дальнейшем. Чэнь Хай понимал намерение Ци Тунвэя, который, занимая пост начальника Департамента общественной безопас-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru